

Ганс Кёхлер<sup>1</sup>

## ЦИВИЛИЗАЦИИ МЕЖДУ КОНФЛИКТОМ И ДИАЛОГОМ: ВОСПРИЯТИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ<sup>2</sup>

## I

Глобализация как тенденция, или глобальность как факт международных отношений, характеризуется возрастающей взаимозависимостью всех географических регионов и постоянным взаимодействием на всех уровнях общественной жизни вне зависимости от национальных границ<sup>3</sup>. Движущая сила этой динамической реальности<sup>4</sup> — это «экономическое соревнование без границ». Эта ситуация получила развитие, если вообще не была инициирована вследствие окончания конфликта между Востоком и Западом, а именно коллапса биполярного порядка, который разделил мир по идеологическим линиям и на военные альянсы. Процесс значительно ускорился благодаря быстрому развитию и распространению коммуникационных технологий, прежде всего благодаря Интернету. Однако нельзя отрицать и то, что более сложное экономическое взаимодействие сопровождалось тенденцией к *культурному*

*единообразию* в отношении как языка или «образа жизни», так и общественных привычек в целом.

В своей «Глобальной программе для диалога между цивилизациями» Генеральная Ассамблея ООН очевидным образом пыталась противостоять ходу унификации, которая является неотъемлемой чертой экономической динамики глобализации. Понимая, что глобализация влечет за собой «более значительную взаимосвязанность между людьми и возросшее взаимодействие между культурами и цивилизациями»<sup>5</sup>, страны — члены ООН обозначили также и угрозу со стороны единообразия, с чем столкнулись мировые культурные и цивилизационные традиции, подчеркнув, что «глобализация — это не только экономический, финансовый и технологический процесс, способный принести ощутимую пользу, но... он также представляет собой угрозу для сохранения и должного почитания богатого интеллектуального и культурного многообразия человечества и цивилизации»<sup>6</sup>.

*Двойственная природа глобализации* выражается в том, что существуют многочисленные группы людей, принадлежащих к различным культурным и (или) цивилизационным традициям<sup>7</sup>, которые стремятся взаимодействовать с другими группами в глобальном масштабе, но в то же время стараются *сохранять* свою национальную, этническую, культурную и цивилизационную идентичность. Динамика этого процесса привела к тому, что метафорически можно описать как «расщепление культурного осознания». Оно характеризует то затруднительное положение, с которым сталкиваются многочисленные сообщества в сегодняшних условиях «глобальной деревни».

*Позиции*, очерченные динамикой глобализации, в какой-то степени отражают это расщепленное осознание.

<sup>1</sup> Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет безопасности как исполнитель справедливости?» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета.

<sup>2</sup> Данный доклад представляет собой синтез положений, высказанных автором в докладах на нескольких международных конференциях, проведенных Международной организацией за прогресс и другими неправительственными организациями, изучающими глобализацию и культуру.

<sup>3</sup> О природе глобализации см.: Köchler H. Philosophical Aspects of Globalization — Basic Theses on the Interrelation of Economics, Politics, Morals and Metaphysics in a Globalized World // *Globality versus Democracy? The Changing Nature of International Relations in the Era of Globalization* / ed. H. Köchler. Vienna : International Progress Organization, 2000. P. 3–18.

<sup>4</sup> Данное явление вовсе не ново. Тенденции в сторону глобализации существовали и в предшествующие века в связи с попытками колониальных и имперских держав практически открыть для международной торговли все известные регионы Земли. Однако с точки зрения количества и интенсивности глобализация XX–XXI веков представляет собой новый феномен.

<sup>5</sup> Генеральная Ассамблея, 56-я сессия. Программа: 25, A/RES/56/6. Резолюция принята на 43-м пленарном заседании 9 ноября 2001 года.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Термин «цивилизация» используется здесь в более общем смысле, как ее определял, например, С. Хантингтон. Согласно этому определению цивилизация означает «культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ» (*Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993. Vol. 72/3. P. 24*). В контексте данного отчета мы понимаем «культуру» как субкатегорию цивилизации.

С одной стороны, глобализация вне экономической необходимости (что определяется как «соревнование без границ») влечет за собой базовую заинтересованность и «деловую» позицию по отношению к различным языкам, системам ценностей и образу жизни, что может породить толерантность к другим цивилизационным проявлениям (в ряде случаев и на поверхностном уровне). Как верно заметил Куронг Шен, «прогресс глобализации утвердил основной контекст и основную тему» для глобального диалога цивилизаций<sup>1</sup>.

С другой стороны, динамика глобализации порождает некую противоположную тенденцию по отношению к *единообразию*, или «униформизму», на простом основании *эффективности* (хотя могут встретиться и другие основания, более связанные с соображениями власти и привилегии). Эта позиция формируется за счет былой тенденции по отношению к интеллектуальной открытости и уважению к другим цивилизациям.

Будь то появление *одного* языка, наподобие *lingua franca* (в ущерб различным культурным традициям), или распространение единообразных образа жизни и общественных тенденций, связанных с преобладающим социокультурным окружением языка, тенденция в направлении единообразия явно не отвечает принципам диалога между культурами и цивилизациями: она склонна порождать или усиливать *господствующие* структуры на глобальном уровне.

Опасность, связанная с этой общей тенденцией, одной из самых спорных характеристик глобализации, была надлежащим образом обозначена Группой видных деятелей, назначенной Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций с целью выработки рекомендаций для диалога между цивилизациями. В своем итоговом отчете эти эксперты высказали беспокойство, что «процесс глобализации без диалога может усилить вероятность господства»<sup>2</sup>.

Реакции на тенденцию к единообразию характеризуются стремлением заново подтвердить значение национальных культур, традиций и систем ценностей. Часто это сопровождается глубоким недоверием и иногда даже агрессивной позицией по отношению к «чужеродным» культурам и образу жизни, которые в процессе глобализации могут выдвинуться на первый план. Общественное отторжение новых форм космополитизма, привносимых глобализацией, не должно заставить врасплох кого бы то ни было. До известной степени, как в случае с индивидуальным субъектом, динамика *коллективного субъекта* развивается по схеме *actio–reactio* (лат. «действие–противодействие»), когда каждая сила инициирует контрсилу в результате по-

пыток субъекта сохранить свою идентичность<sup>3</sup>. Этот процесс следует принимать во внимание, если имеется намерение понять кризис культурной или цивилизационной идентичности, с которым столкнулись многие сообщества в результате как никогда быстро протекающего процесса глобализации.

Это подводит нас к *политическому* измерению. На цивилизационном уровне нельзя более игнорировать четкие факты отношений между державами. Будто распространение определенных идей в сфере прав человека и демократии или попытка навязывания общественных тенденций, характерных для преобладающей экономической системы, такие концепции и привычные действия составляют часть рассуждения о легитимации, при помощи которого доминирующая держава принимает меры к тому, чтобы поддержать свои претензии на глобальное лидерство, постулируя для себя некую форму цивилизационного превосходства. И это применимо ко всем сферам взаимодействия между государствами, включая войну. Не только в новейшей истории мы находим, как спорные вопросы ценностей и цивилизационной идентичности служат оправданием для использования силы. Цивилизационное оправдание неизбежно и с еще большим упрямством провоцирует такие конфликты.

В плане отношений между державами, сегодняшняя, хотя и преходящая *однополярность* обладает потенциалом для пробуждения пока еще дремлющих цивилизационных конфликтов или для дальнейшего их разжигания там, если невозможно сдерживать их посредством традиционных мер политики и дипломатии. Как в изобилии продемонстрировала новейшая история, восприятие или постулирование цивилизационных конфликтов в транснациональной области (как, например, в отношениях между исламом и Западом), хотя и проистекающих до известной степени из конфликтных ситуаций на местном и региональном уровнях, способно само по себе усугубить существующие этнические и (или) религиозные конфликты. Конфликт в Сирии — подходящий пример.

В начале XXI века, когда, как кажется, идеологическое соперничество между Востоком и Западом пошло на убыль, в парадигме «столкновения цивилизаций» возникает *новый риск* для глобального порядка, который становится средством «пост-идеологического» оправдания международных конфликтов<sup>4</sup>. Если цивилизационная парадигма используется как прикрытие в погоне за политикой национальных интересов (со стороны доминантной глобальной державы или региональных держав), то повседневные конфликты могут приобрести квази-метафизическое измерение, что значительно затруднит разрешение конфликта в соответствии со схемой *actio–reactio* общественных отношений, о которой говорилось выше.

<sup>1</sup> Shen Q. Dialogue among Civilizations: Implications for International Relations // Xandai Guoji Guangxi. Contemporary International Relations. [Современные международные отношения] / Пекин : Китайский ин-т современных международных отношений, сентябрь 2001 г. (пер. с китайского оригинала).

<sup>2</sup> Диалог между цивилизациями. Основные положения публикации Группы видных деятелей, назначенной Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций по случаю Года диалога цивилизаций ООН (2001). URL: [www.un.org/Dialogue/summary.htm](http://www.un.org/Dialogue/summary.htm)

<sup>3</sup> О различных аспектах этой динамики см.: Cultural Self-Comprehension of Nations / ed. H. Köchler. Tübingen; Basel: Erdmann, 1978.

<sup>4</sup> Общий анализ последствий диспутов о цивилизациях для международных отношений см.: Civilizations — Conflict or Dialogue? Studies in International Relations, XXIV / eds. H. Köchler, G. Grabher. Vienna : International Progress Organization, 1999.

Вглядываясь в историю международных отношений, мы можем припомнить, что эра глобальной bipolarности (которая превалировала на протяжении всего периода холодной войны) характеризуется «столкновением идеологий», а именно между капитализмом и социализмом. Хотя развернулись региональные конфликты, которые в большинстве своем велись как опосредованные войны в контексте противостояния супердержав, две соперничающие державы существенным образом сдерживали друг друга. Такая расстановка сил сводилась к своего рода *взаимному устрашению*, что и предотвратило открытую войну между двумя конкурирующими державами.

Антагонистическая схема bipolarной эры вовсе не исчезла из однополярной расстановки сил настоящего времени. На смену соперничеству идеологий пришел риск конфликта между цивилизациями, по крайней мере в восприятии влиятельных кругов международного сообщества. В плане глобального порядка проблема заключается в том, действительно ли, и если да, то в какой степени, *восприятие создает реальность*, то есть *кажущееся* столкновение между цивилизациями становится чем-то вроде самореализующегося пророчества. Краеугольный вопрос по поводу будущего мирового порядка заключается в том, каким образом можно разорвать такую взаимозависимость между восприятием и реальностью.

В однополярном окружении, таком как сейчас, характеризующемся отсутствием баланса сил, защитники международной *Realpolitik* могут не устоять перед искушением прибегнуть к конфронтационной парадигме для выживания особенных политических, экономических и военных целей. Многочисленные зывания к идее Хантингтона о «столкновении цивилизаций» после трагических событий 11 сентября 2001 года<sup>1</sup> являются живейшим доказательством данной тенденции. Дисбаланс в современной глобальной системе способен усилить, а в определенных ситуациях даже создать цивилизационные антагонизмы, которые в противном случае подчинились бы идеологическому соперничеству между двумя или более борцами за глобальную власть.

Политические и военные действия, которые *оправдываются* (участниками) или *объясняются* (обозревателями) со ссылкой на идею Хантингтона, действительно способны превратить кажущееся столкновение цивилизаций в транснациональную реальность. То, что может просуществовать в качестве простого восприятия, обернется политической реальностью, если прибегать главным образом к идеологической интерпретации и (или) легитимации событий. Основной пример общего политического воздействия такой взаимозависимости с серьезными последствиями для глобального мира — это отношение между мусульманским регионом и Западом<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Его работа была впервые опубликована в 1993 году. В историческом аспекте, следует заметить, этот термин впервые использовал Бернард Льюис: *Lewis Bernard. The roots of Muslim rage // The Atlantic Monthly. 1990. Vol. 266. Sept. P. 60.*

<sup>2</sup> Ср.: *Köchler H. Muslim-Christian Ties in Europe: Past, Present and Future // IKIM Journal. Kuala Lumpur, Malaysia, 1999. Vol. 7. № 1. P. 97–107.*

Следует различать два аспекта в отношении схемы *actio–reactio*, лежащие в основе взаимозависимости восприятия и реальности.

1. Восприятие угрозы может «обозначаться» как необходимость мобилизации общества в пользу определенной политической программы, отстаивания национальных интересов страны лицом к лицу с соседями и (или) прочими странами. Такая программа может также включать и использование военной силы. Последняя будет оправдываться в качестве меры узаконивания самообороны, чтобы сделаться приемлемой в глазах своего и международного сообщества. В данном контексте понятие «столкновение цивилизаций» может стать частью рационального обоснования интересов, в противном случае не заявленных. Это особенно актуально в отношении достаточно расплывчатого понятия «превентивной самообороны» (что как раз и произошло с вовсе не удивительным *ренессансом* в современной расстановке сил).

2. Второй аспект относится к антагонистическому действию со стороны тех, кто идентифицируется государством(ми) или группами, описанными в п. 1, как представляющие угрозу национальному и в конечном итоге международному миру и безопасности. Противодействие может включать:

а) подтверждение этими странами и (или) сообществами (группами) своей идентичности перед лицом доминантной культуры или цивилизации (что можно назвать «*реактивным самоутверждением*»);

б) «целевые» страны или сообщества, предпринимающие действие, понимаемое как самообороны, против тех международных сил, которые воспринимаются в качестве сил, распространяющих доминантную цивилизацию во имя продвижения своих национальных интересов.

Связанный с глобальным порядком риск кроется в такой взаимозависимости, становящейся порочным кругом *восприятия угрозы* (то есть диагноза угрозы), с одной стороны, и *мер обороны* против воспринимаемой угрозы — с другой, в силу чего последнее может действительно превратить угрозу в реальность, что приведет даже к более мощному противодействию и дальнейшему укреплению существующих стереотипов врага. Таким образом, парадигма столкновения цивилизаций может стать самореализующимся пророчеством, «непреднамеренным последствием» конфликтов интересов, в иных случаях поддающихся урегулированию.

На этом стыке истории мир сталкивается с абсолютно реальным риском вхождения в цикл *усиливающих друг друга стереотипов врага* (или восприятия угрозы) и связанных с этим «оборонительных» действий вдоль цивилизационных линий. Возрастающее отчуждение между Западом и мусульманским миром (будь то вдоль описанных влиятельными аналитиками цивилизационных «линий разлома» на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и Юго-Восточной Азии или внутри все более и более мультикультурных сообществ на самом Западе) — это еще один показатель данной тенденции.

## II

Следует вновь оценить шансы для справедливого и стабильного глобального порядка на этом достаточно гнетущем фоне отношений *восприятия и реальности*, иными словами, цикла восприятия угрозы и вызванного им оборонительного действия. Один из вопросов, которые следует задать, — действительно ли и каким образом искренний диалог между цивилизациями способен разомкнуть этот цикл межцивилизационных противоречий (в местах, где они уже начались и дестабилизируют региональный порядок) или помешать ему стать реальностью на глобальном уровне?

Многое будет зависеть от того, каким образом *динамика глобализации*, которая до сих пор представлялась установившимся фактом международных отношений, будет протекать в долгосрочной перспективе. Давайте припомним: в контексте глобальности цивилизационная многополярность стала частью повседневной жизни в основном благодаря быстрому развитию коммуникационных технологий<sup>1</sup>. До какой степени эта (многополярная) социальная и социокультурная реальность, являющаяся следствием динамики процесса глобализации, имеет отношение к международной политике, которая в основном определяется «национальными интересами» и стремлением к сохранению и укреплению власти?

Способна ли глобализация «нейтрализовать» эти реальности и связанные с ними конфронтационные парадигмы или по крайней мере «абсорбировать» их в более широкий контекст экономических интересов, вездесущность и всепроникающая природа которых составляют основную характеристику глобализованного мира? Можно ли реально надеяться на то, что силы глобализации вне экономической необходимости постепенно трансформируют отчужденность между цивилизациями и культурами в сторону системы, основанной на *сотрудничестве*? (Одного только рационального анализа и морального увещивания в данном случае, разумеется, совершенно недостаточно для установления различия.)

Более того: можно ли преодолеть напряженность между *однополярностью* в смысле отношений держав и *многополярностью* (или *биполярностью* — в особенных региональных расстановках сил) в смысле цивилизационных идентичностей при помощи этой самой динамики глобализации, в противовес и несмотря на тенденцию к культурному единообразию (что может в свою очередь стимулировать программу господства и что, без сомнения, использовалось для этой цели в прошлом)? По своей природе процесс глобализации открыл *космополитичное пространство* для экономического, социального и культурного взаимодействия — достижение, которое нельзя перечеркнуть. Оно создало новую общественную реальность на транснациональном уровне с далекоидущими последствиями для регионального и внутреннего порядка, где бы то ни было.

<sup>1</sup> О социокультурных и политических последствиях см.: Köchler H. The New Social Media and the Changing Nature of Communication: Anthropological and Political Implications // News and Views: The J. of the International Academy for Philosophy (New Series). 2012. Vol. 4. № 2–3 (32–33). P. 42–64.

В этом отношении следует уделить внимание *нормативному аспекту* международной системы. Возможно ли, чтобы в конечном счете был достигнут *синтез* между антагонистическими силами цивилизационного самоутверждения при помощи *рационального консенсуса* на нормативном уровне? Способны ли силы, представляющие различные цивилизации, прийти к согласию в отношении минимального свода норм, которые регулируют их сосуществование, таким образом на основании *взаимности*, оставив всякую попытку превратить друг друга в мишени для «миссионерских» стратегий и тактик? В данном контексте взаимосвязанные ценности свободы и толерантности фигурируют в качестве центральных элементов свода метанорм, который следует понимать как *conditio sine qua non* для самореализации каждой цивилизации<sup>2</sup>. Такое соотношение между нормами и метанормами (последние составляют предварительное условие для реализации первых) структурно подобно тому, что лежит в основе доктрины мирного сосуществования между нациями (государствами) с различными идеологиями (что превалировало на ранней стадии биполярной эры).

Нормативные суждения по данным направлениям могли бы сделать *программу глобального диалога* убедительнее одних только политических аргументов, которые в силу своей природы всегда останутся «оппортунистическими» и связанными с более или менее переходным состоянием. Выполнение программы диалога является квинтэссенцией не только для самореализации каждой цивилизации (в смысле коллективной идентичности), но также и для коллективного выживания всех наций. Только это поможет избежать бесконечной конфронтации — бесконечного «столкновения цивилизаций» в хантингтоновском смысле, что в конечном итоге привело бы к провалу усилий по самосохранению всех цивилизаций и наций.

Группа видных деятелей, назначенная ООН в 2000 году, незадолго до роковых событий 11 сентября, обозначила другой важный аспект межцивилизационных отношений, а именно то, что «диалог между теми, кто воспринимает многообразие как угрозу, и теми, кто видит в нем инструмент усовершенствования и роста, является насущной необходимостью»<sup>3</sup>. Этой ссылкой на своего рода двойной лик цивилизации (что касается отношения к оценке многообразия) эксперты заостряют наше внимание на фундаментальной проблеме, с которой столкнулось сегодняшнее международное сообщество, а именно как предотвратить ситуацию, когда парадигма «столкновения цивилизаций» становится самореализующимся пророчеством.

Частично из-за отсутствия стабильного баланса власти на глобальном уровне народы, социальные и этнические сообщества многих регионов мира оказываются под угрозой разделения по культурным или

<sup>2</sup> Подробности об этих нормативных взаимоотношениях см.: Köchler H. Cultural-Philosophical Aspects of International Cooperation : lecture held before the Royal Scientific Society, Amman-Jordan [1974]. Vienna : International Progress Organization, 1978. В основном chap. III “In search for what is common to all systems” [«В поисках того, что свойственно всем системам»].

<sup>3</sup> Группа видных деятелей, назначенная Генеральным секретарем ООН по случаю Года диалога цивилизаций ООН. Основные положения см.: Диалог между цивилизациями.

цивилизационным линиям. Отчужденность между социальными и культурными группами внутри и между регионами усугубляется и далее в силу бесконтрольной динамики конфликта интересов, споров о проблемах суверенитета, экономических прав и тому подобного в еще более сложной взаимосвязи внутренних, региональных и глобальных событий. Хотя спорные вопросы культурной и цивилизационной идентичности не всегда становятся первопричиной такой конфронтации, они зачастую используются в качестве *средства распространения* таких конфликтов, действуя таким образом наподобие увеличительного стекла. Социальные перевороты, которые обычно сравнивают с «арабской весной», — еще одно свидетельство данной тенденции.

В то же время где-то рядом с этим конфликтным контекстом культура или цивилизация возвращается как инструмент или крайняя мера, чтобы противостоять тому, что многие называют утратой социальной идентичности в результате глобализации и связанной с ней тенденцией к единообразию.

Что касается цивилизационной идентичности, то можно различить две усиливающие друг друга тенденции:

а) цивилизационная идентичность переосмысливается как компенсация того, что многие воспринимают как утрату или угрозу своей социальной идентичности в результате тенденции к единообразию образа жизни, которую несет в себе глобализация;

б) в то же время эксплуатируются спорные вопросы цивилизационной идентичности с целью оправдания самоутверждения страны или народа в связи с политическими спорами, конфликтами экономических интересов и тому подобным, которые первоначально были инициированы по желанию соответствующих сторон не только с целью самосохранения, но и в силу тенденции усиления своей власти над конкурентами. Это, так сказать, «идеологический» аспект глобализации.

*Структурная динамика* глобализации может стать фактором преодоления этих противоречий, хотя в некоторых отношениях, как отмечено выше, она и сама способна вызывать конфликты в соответствии со схемой *actio-reactio* цивилизационного самоутверждения. (Это означает, что тенденция в сторону глобального единообразия встречает сопротивление в виде все более усиливающегося акцента на особенной культуре или цивилизации.) На устойчивом основании, однако, единственным противоядием для принимающего угрожающие размеры «столкновения цивилизаций» на глобальном уровне станет политика, пропитанная духом *просвещения* в подлинном, философском смысле. Только она будет стимулировать взаимопонимание и взаимоуважение между цивилизациями и станет, по сути дела, систематической и всеобъемлющей *политикой диалога*, поддерживаемой всеми членами международного сообщества. Генеральная Ассамблея ООН довольно точно определила это базовое требование глобального мира как «процесс, идущий *внутри* цивилизаций и *на их стыке*, который основан на всеобщем участии и коллективном желании учиться, открывать для себя и изучать концепции, выявлять сферы общего

понимания и основные ценности и сводить разные подходы в единое целое с помощью диалога»<sup>1</sup>.

Цивилизация лишь тогда достигнет зрелости, если займется *подлинным* диалогом (в отличие от оппортунистического и политически ангажированного), то есть если она окажется способной соотносить себя с иными цивилизациями и взаимодействовать с ними *продуктивным* способом, на основе *обоюдности*. В соответствии с *диалектической* природой человеческого сознания цивилизация способна полностью осмыслить и таким образом определять себя, когда она устанавливает собственные параметры, но не отвергая *alter ego* сосуществующих цивилизаций<sup>2</sup>.

Только таким способом члены международного сообщества станут неуязвимыми для многочисленных соперничающих стереотипов, распространяемых теми, кто пытается одолеть своих конкурентов в глобальной борьбе за экономическое и политическое влияние. *Взаимное уважение* между цивилизациями воплощает истинное Просвещение, которое является не просто наследием европейского XVIII века, но составляет часть всеобщей истории, включающей *все* цивилизации и религии. Благодаря такому отношению появляется возможность установления «вечного мира» в том его значении, которое истолковал И. Кант в своем классическом труде<sup>3</sup>.

Целесообразно допустить, что *знание* и *толерантность* в отношении других цивилизаций (что вытекает из предыдущего) сделают менее вероятным убежденность в том, что «восприятие действительно становится реальностью». Таким образом, парадигма столкновения цивилизаций ограничится сферой *идеологических построений*, к которой она изначально и принадлежала. Эта доктрина, будучи отпрыском идеологической борьбы предшествующих десятилетий, не только противоречит полноценной реализации культурного потенциала каждой нации. Она между тем широко используется в политических дебатах на местном и региональном уровнях, а также и в качестве инструмента ради продолжающейся в настоящее время борьбы за глобальную власть, борьбы, инициированной внезапным коллапсом биполярной системы.

В «глобализованном» окружении XXI века диалог между цивилизациями сделался важнейшим недостающим звеном для достижения всеобщего мира. Ввиду деструктивных возможностей, накопленных не только традиционными соперниками в борьбе за глобальную власть, государствами, но также и негосударственными акторами, диалог становится основным вопросом

<sup>1</sup> Цит. по офиц. рус. пер.: <http://daccess-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/475/44/PDF/N0147544.pdf?OpenElement>. См. также: Köchler H. Unity in Diversity: The Integrative Approach to Intercultural Relations // UN Chronicle. 2012. Vol. XLIX. № 3. P. 7–10.

<sup>2</sup> Более подробно см.: Köchler H. Philosophical Foundations of Civilizational Dialogue. О выводах с точки зрения теории сознания см.: *Idem*. Die Subjekt-Objekt-Dialektik in der transzendentalen Phänomenologie: Das Seinsproblem zwischen Idealismus und Realismus : monographien zur philosophischen Forschung. Meisenheim A. G. : Anton Hain, 1974. Vol. 112.

<sup>3</sup> Kant I. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf [1795]. Hamburg : Felix Meiner, 1992. Английское издание: Perpetual Peace: A Philosophical Essay / translated with an introduction and notes by M. C. Smith. Bristol : Thoemmes Press, 1992.

---

совместного выживания. Цивилизационный диалог воплощает те самые нормы управления связями между нациями, которые в предшествующую эпоху и в ином контексте идеологического противостояния были представлены доктриной *мирного сосуществования между народами*.

Почетная обязанность философии — разъяснять *общую систему* ценностей, которую мы разделяем со всеми цивилизациями и осознание которой есть не-

пременное условие для существования и самореализации каждой цивилизации на основе взаимного уважения. Нельзя жить в мире, если не принимать *обоюдность* права на выражение своей культурной идентичности без вмешательства или запугивания. Именно простая ценность взаимности лежит в основе устойчивого диалога между цивилизациями и, как следствие, справедливого и стабильного глобального порядка.